

может иметь концепция экономического подхода к религии. Также стоит обратить внимание и на эстетику религии, которую Б. Гладигов понимает как дисциплину, изучающую нетекстовые проявления религии. Сборнику действительно удастся продемонстрировать вклад тюбингенской школы в развитие немецкоязычного и мирового религиоведения. Помимо прочего данный текст хорошо иллюстрирует и структурирует процессы, протекавшие в немецком религиоведении на протяжении последней четверти XX века.

В. Костылев (МГУ)

Рецензия на: **Spirits and Animism in Contemporary Japan: The Invisible Empire**. Ed. by F. Rambelli. Bloomsbury Academic, 2019. 241 p.

Рецензируемая коллективная монография, которая также может быть названа сборником из-за отсутствия как таковой взаимосвязи между её главами, представляет собой научное исследование анимизма в современной Японии, помещая в центр внимания особенности восприятия духов японцами в XX–XXI вв. Книга состоит из одиннадцати глав (статей), каждая из которых посвящена одному из аспектов современных японских анимистических представлений.

Название сборника «Невидимая империя» (*Invisible Empire*) отсылает, по словам редактора, к идее Ролана Барта о «пустом центре» японской культуры. «Что, если центр вовсе не “пуст”, но плотно населён невидимыми призрачными существами? В конце концов, призраки и духи — это семиотические средства, означающие как отсутствие (мёртвые, боги, обитатели другого измерения реальности), так и невидимое присутствие. Эта семиотическая двусмысленность порождает потребность в средствах для распознавания, переживания, представления и общения с невидимым, которые производит сама японская культура. Однако это невидимое царство также является проявлением коллективного прошлого и постоянной необходимости иметь с ним дело» (p. 15).

Во введении к монографии, написанном итальянским религиоведом Фабио Рамбелли, даётся общая характеристика японского анимизма. Япония представляется им как, «с одной стороны, конкретное место проживания японцев; с другой стороны — невидимая реальность, населенная всеми видами существ: призраками, духами, предками, богами...» (р. 1). Традиционная религиозность, выраженная в культе предков, находится в тесной взаимосвязи с новыми популярными феноменами, к которым относятся исследование монстров (*yokai*), оккультизм, интерес к «местам силы», где концентрируется божественная энергия. Практики мемориализации, как утверждает Ф. Рамбелли, появились ещё в период правления сёгунов из рода Токугава (1600–1868) и сохраняются до сих пор: на укрепление представлений о существовании духов повлияли культы героев и погибших на войне. Он отмечает, что анимизм самими японцами стал рассматриваться как ключевая черта их культуры в период интенсивного экономического роста в 1970-е — 1990-е гг., а современная популярная культура играет важную роль в воспроизведении анимистических дискурсов в Японии.

В первой главе «The Dead Who Remain: Spirits and Changing Views of the Afterlife» Хироо Сато¹ рассматривает, как менялись с течением времени представления японцев о загробной жизни, начиная с Средневековья и заканчивая современностью. Если ещё в Средние века были распространены буддийские представления о Чистой Земле, то с периода раннего модерна мертвецы уже начинают обитать в посюстороннем мире, а человек становится ответственным за заботу о них. В период раннего Нового времени после XVI в., как отмечает исследователь, в Японии перестали забывать умерших и начали проводить обряды поминовения, которые впоследствии стали значимой частью японской культуры. Такая передача ответственности за сохранение памяти о мёртвых от будд к людям исследователем связывается с секуляризацией мира, которая привела к исчезновению представления о Чистой Земле и о фигурах буддийских божеств. В современности, как считает Хироо Сато, индивидуализируются отношения между

¹ Здесь и далее японская фамилия стоит перед личным именем.

живыми и мёртвыми: если ранее эти отношения были связаны с семейными узами, то теперь это отношения выстраиваются между равными собратями («мне достаточно, если мои друзья будут помнить меня после моей смерти»).

Во второй главе «The Mystical “Occident” or the Vibrations of “Modernity” in the Mirror of Japanese Thought» американский религиовед, профессор колледжа Уильямса Джейсон А. Джозефсон-Сторм акцентирует внимание на взаимосвязи между технологическим прорывом и представлениями о духах в Японии. Он подвергает критике классические теории модернизации, согласно которым последняя непременно вытесняет веру в мир духов и одушевлённых существ, продолжающих своё существование и после смерти (р. 30). На деле же этот «вибрирующий космос» (*vibrant cosmos*) не является противоположностью модернизации, и в каком-то смысле в рамках самой теории модернизации предполагается представление о «вибрирующем космосе». Таким образом, согласно исследователю, анимизм и теория модернизации находятся в тесной взаимосвязи. Сопоставляя европейские и японские теории о «примитивных» цивилизациях, Дж. А. Джозефсон-Сторм приходит к выводу, что в обоих случаях и европейцы, и японцы пытались создать идеализированные описания самих себя.

В третьей главе «A Metaphysics of the Invisible Realm: Minakata Kumagusu on Spirits, Molds, and the Cosmic Mandala» Ф. Рамбелли рассматривает наследие Минакаты Кумагусу — японского интеллектуала конца XIX — начала XX в., энциклопедиста и натуралиста. Опираясь на изучение чертежей, писем, дневниковых записей и других источников, оставленных Минакаты Кумагусу, итальянский религиовед говорит о попытке доказательства японским учёным существования духов и других сущностей. Последний, используя знания буддийской философии, построил так называемую «мандалу Минакаты», представлявшую собой многоуровневую реальность, основанную на различных эпистемологических системах. Таким образом, Ф. Рамбелли демонстрирует попытки японского интеллектуала построить анимистическую онтологию.

В четвёртой главе «New Religious Movements, the Media, and “Japanese Animism”» Иоаннис Гайтанидис анализирует динамику развития средств массовой информации и их роли в формировании в японском обществе представления об анимизме как неотъемлемой части японской культуры, видя начало этого процесса ещё в эпоху Мэйдзи. На его взгляд, «взлёт и падение новых религиозных движений в последние два столетия не могут быть отделены от медиамира, в котором те или иные группы соревнуются за свои социальные идеалы» (р. 78). Информационность японского общества оказывает непосредственное влияние на воспитание общего чувства ортодоксии, «общественного суеверия». Как предполагает И. Гайтанидис, в современном японском обществе анимистическая религия представляется в медиапространстве как лишённая организационных и доктринальных сложностей, не склонная к финансовым махинациям. Анимистическая религия ставится в оппозицию традиционной религиозности, которая представляется в СМИ как пережиток прошлого или «проблематичное суеверие».

Пятая глава «Animated City: Life Force, Guardians, and Contemporary Architecture in Kyoto» за авторством Элен ван Гётем повествует о ландшафте города Киото — как архитектурном, так и религиозном. Исследовательница рассматривает архитектурные проекты 1990-х — начала 2000-х годов и приходит к выводу, что они были реализованы в соответствии с правилами ци и фэншуй¹. В то же время жители Киото действительно убеждены в том, что город защищён духами-хранителями. Согласно предположению Э. ван Гётем, такие представления возникли в 1990-е гг., когда в Японии распространилась мода на фэншуй, с которым связывались представления архитекторов о своём прошлом. Таким образом, в архитектурных памятниках Киото, в самой их задумке, как показывает Э. ван Гётем, присутствуют элементы тоски по «воображаемому прошлому», о чём свидетельствует опора на правила фэншуй.

¹ Э. ван Гётем использует китайские термины для характеристики правил, в соответствии с которыми реализовывались архитектурные проекты в г. Киото.

В шестой главе «Essays in Vagueness: Aspects of Diffused Religiosity in Japan» исследовательницей Кариной Рот продолжают рассуждения на тему сакральной топографии Японии. Основным объектом рассмотрения являются так называемые «места силы», которые появились в Японии в течение последних несколько десятилетий и считаются местами концентрации духовной энергии. Существует также «лесная терапия», которая предлагает лечение с помощью прогулок по лесу, и представления о «невидимом мире», который населён многочисленными духами (считается, что именно там можно приобрести нечто «духовное»). Всё это является неотъемлемой частью современного японского культурного дискурса, что, как считает исследовательница, говорит о глобальном процессе переосмысления мира, во многом связанном с экологическими вызовами. Здесь К. Рот обращается к концепции «экодуховности», обозначающей представление о неразрывной взаимосвязи природы и культуры. В рамках этой концепции считается, что, если равновесие между природой и культурой утрачивается, то человек непременно должен принимать участие в восстановлении баланса. Для описания анализируемых явлений К. Рот также использует концепцию «рассеянной религиозности» (восприятия и практики, относящиеся к религиозной деятельности, но не привязанные к институтам).

В седьмой главе «Came Back Hounded: A Spectrum of Experiences with Spirits and *Inugami* Possession in Contemporary Japan» Андреа Де Антони излагает результаты своего исследования случаев одержимости духами в современной Японии (эти случаи лечились в храме Кэнми в Синкоку), уделяя большое внимание чувствам «одержимых». А. Де Антони описывает духов, которые вселяются в людей, в онтологических терминах, основываясь на природе этих существ. Он приходит к выводу, что в исследованных им случаях духи представляют собой «сети чувств», которые возникают в реальности и вторгаются в жизнедеятельность людей посредством живого тела. Эти «сети» переплетаются с личностными навыками человека, с другими людьми, с социальными отношениями и с нечеловеческими явлениями и предметами (Интернет, окружающая среда и пр.).

Переживания, которые испытывают одержимые, связаны с построением «расширенных личностей», и переплетение различных чувств и телесных состояний (внутренних и внешних симптомов одержимости) приводит к переживанию взаимодействия «я» и «другого» (р. 125).

В восьмой главе «The Spirit(s) of Modern Japanese Fiction» Ребекка Сутер изучает отражение в художественной литературе сверхъестественного мира. Рассмотрев творчество таких авторов, как Нацумэ Сосэки, Акутагава Рюноскэ, Мураками Харуки, она пишет об отражении в нём колеблющейся позиции между рациональным восприятием реальности и сверхъестественным мировоззрением. В изученных художественных текстах присутствует двусмысленность, которая, как считает исследовательница, приводит к росту развлекательной ценности этих произведений, превращая их в средства избавления от тревожности с помощью литературы.

В девятой главе «Techno-Animism: Japanese Media Artists and their Buddhist and Shinto Legacy» рассматривается «техно-анимизм», который, согласно исследователю Мауро Арриги, способствует формированию японского медиаискусства (сюда относятся компьютерные перформансы, интерактивные инсталляции и пр.). Подход художников, являющихся авторами подобных произведений искусства, как считает исследователь, близок к «идеализированной версии синтоизма и буддизма, а не к реальным формам верований и культов» (р. 156). Также исследователь отмечает, что анимизм является источником вдохновения для художников, у которых существует представление о том, что их творения и инструменты обладают душой и даже собственной волей, что позволяет произведениям искусства отдалиться от своих авторов.

Джолион Барака Томас в десятой главе «Spirit/Medium: Critically Examining the Relationship between Animism and Animation» исследует аниме как анимистический мир, сосредоточившись на том, как «аппарат, используемый для создания анимационных фильмах, воздействует на аудиторию и режиссеров». Таким образом, необходимо обращать внимание на ответную реакцию со стороны зрителей (р. 164). Рассматривая аниме «Мастер

Муси» (*Mushishi*, 2005–2006), Дж. Б. Томас утверждает, что муси не являются духами, но благодаря использованию навязчивых мелодий, абстрактных узоров и определённой цветовой гаммы в аниме усиливается представление о том, что японцы верят в повсеместное существование духов. Подобное аниме нацелено на наполнение мира тайной. В аниме «Собственность» (*Tsukumo*, 2013) объекты показываются так, что зрители невольно начинают относиться к ним бережно и с особым почитанием. В фильме «Твоё имя» (*Kimi no na wa*, 2016) божество оказывается связующим звеном между двумя главными героями, которые поменялись телами, однако это выясняется лишь в самом конце фильма. Дж. Б. Томас оспаривает распространённую точку зрения о том, что аниме выражает анимистические представления — исследователь не считает релевантным само понятие анимизма, которое подразумевает отделение природы от культуры.

В финальной одиннадцатой главе «From *Your Name*. to *Shin-Gojira*: Spiritual Crisscrossing, Spatial Soteriology, and Catastrophic Identity in Contemporary Japanese Visual Culture» Андреа Кастиглиони рассматривает такие анимационные японские фильмы, как «Твоё имя» (*Kimi no na wa*, 2016) и «Годзилла: Возрождение» (*Shin Gojira*, 2016). А. Кастиглиони на основании анализа этих двух продуктов современной культуры делает вывод о коренном изменении ценностей: жестокие и злые духи находятся в приоритете перед добрыми; сельская местность представляется уже как скучное и подверженное бедствиям, а не идеализированное место — взамен сельской местности на первый план выходит мегаполис как воплощение могущества.

Данная монография включает исследования, для которых характерны научная новизна и должное обращение внимания на современность, использование критического подхода в употреблении религиоведческой терминологии. Представленные материалы отражают современные ценностные и культурные изменения в жизни японцев, которые непосредственно влияют на их религиозное восприятие реальности.

Л. Ярохина (МГУ)